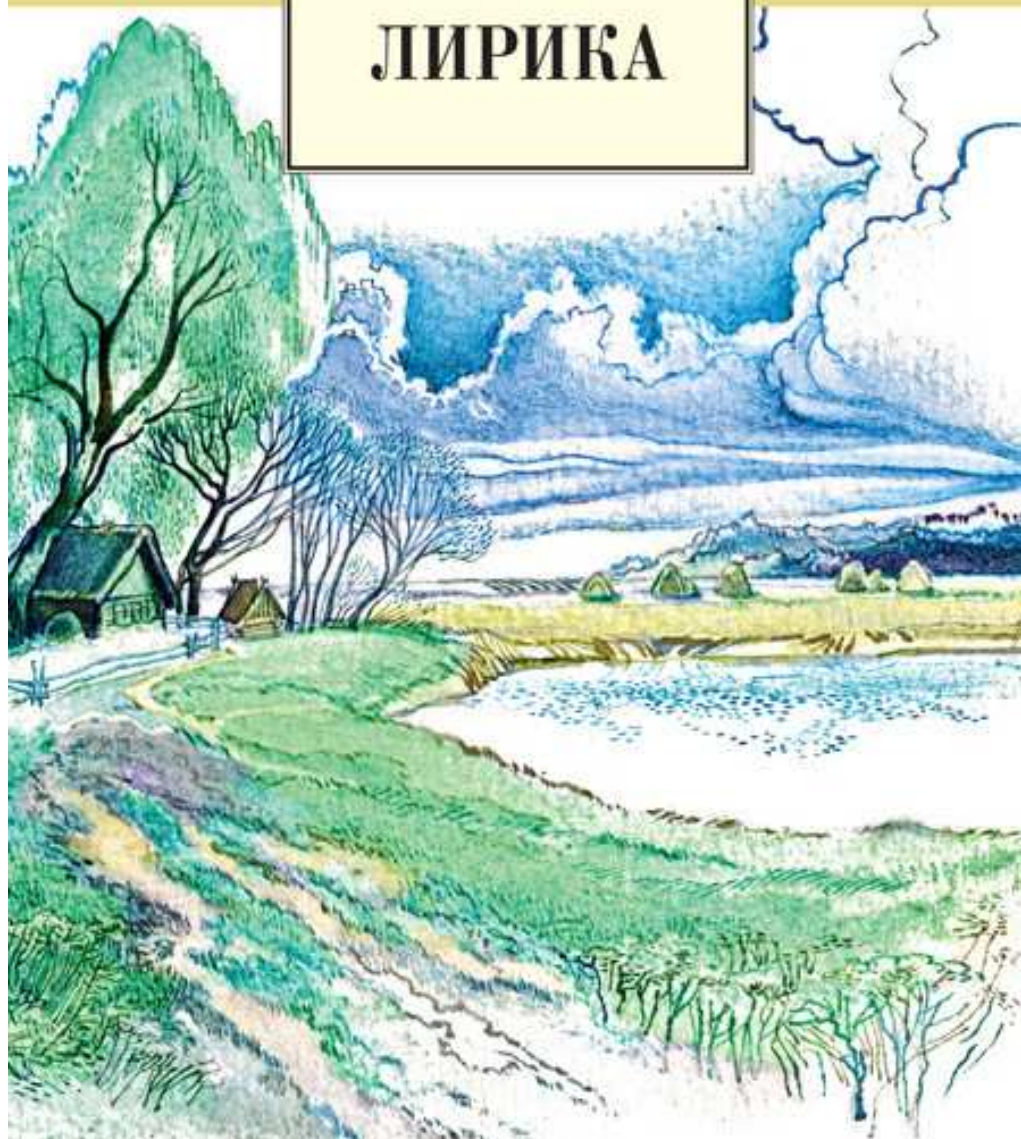

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Николай Рубцов

ЛИРИКА

Николай Михайлович Рубцов
Лирика
Серия «Школьная библиотека (Детская литература)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7615295
Лирика [сост., вступ. ст. В. П. Смирнова]: Детская литература; Москва; 2013
ISBN 978-5-08-005016-9*

Аннотация

В книгу вошли стихотворения выдающегося лирического поэта XX века Николая Михайловича Рубцова.

Сборник состоит из двух разделов. В первом разделе представлены классические сочинения поэта. Во втором – произведения разных лет, которые свидетельствуют о сложном творческом пути художника.

Для старшего школьного возраста.

Содержание

О поэзии Николая Рубцова	5
Тихая моя родина	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Рубцов Николай Михайлович

Лирика

Рубцов

1936–1971

О поэзии Николая Рубцова

Почти безумие – писать о поэзии во времена ее бедственного существования, если даже допустить, что еще какие-то источники ее питают. Речь не о стихах, – стихах всех мастей, – их, как всегда, больше чем надо. О том же в феврале 1921 года, незадолго до своей кончины, пророчески говорил Блок в своем знаменитом слове «О назначении поэта». Теперь-то мы знаем, что «назначение поэта» вбирает в себя назначение России, человека, истории и много чего еще. Вот лишь несколько строк об изыскании *чернью* средств «для замутнения самых источников гармонии; что их удерживает – недогадливость, робость или совесть, – неизвестно. А может быть, такие средства уже изыскиваются?» Это блоковское вопрошание, конечно, не связывает с понятием «черни» простых людей, простой народ. А уж в наши дни почти невыносимая правда этих слов тысячекратно, если не более, усилена. Нынешняя каждодневность не только не нуждается в поэзии – она боится ее, как всякий мошенник боится воздающей длани.

Впрочем, в разные времена и у разных людей было ощущение жизни, похожее на то, какое настигло Россию на рубеже XX-XXI столетий. Потому Блок в страшные годы Гражданской войны писал о «цивилизованном одичании». А до него Герцен – о «стоне современных человеческих трясин». А до них Баратынский в стихотворении 1835 года, так знаменательно названном «Последний поэт», – стихотворении провидца многого, если не всего того, что произойдет с поэзией и Россией. И почему почти каждый значительный русский поэт, даже если он любим и почитаем, предстоит перед самим собой и перед Божьим судом как *последний*?

Век шествует путем своим железным;
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколения,
Промышленным заботам преданы.

Людям слишком часто кажется, что они от чего-то уходят, расстаются с ненужной поклажей. Но там, где речь идет о поэзии, отеческих преданиях, вере, все-таки надо смириться и понять, что в какие-то мгновения именно они, изумленные и отчаявшиеся, покидают человека.

В 1954 году судьба приводит Николая Михайловича Рубцова в поселок Приютино под Ленинградом, где жил его старший брат. Там поэт работал слесарем-сборщиком на военно-испытательном полигоне. Вот так и бывает, что один из самых бесприютных русских поэтов жил в Приютино. И там, уже позднее, когда он служил на Северном флоте и приехал туда в отпуск, у еще «допоэтического» Рубцова появилось стихотворение:

Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,

Потом еще на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своем народе!

Можно с достаточной уверенностью сказать, что в ту пору, когда человеческий опыт и поэтические мировидения и мироотношения Рубцова не отличались отчетливо выраженными широтой и глубиной, чувством неотвратимости художнического удела, строки эти более чем поразительны. К тому же если Рубцов относительно себя уже довольно рано что-то предчувствовал, он все же до конца дней оставался человеком застенчивым и скромным, а уж в те годы особенно. И вдруг такое: «И буду жить в своем народе!» Так и случилось. Рубцова знают и любят, его поют. И не потому, что кто-то пишет к его стихам музыку, кто-то их исполняет, а потому что они просто поются. Явление для русской поэзии и музыки чрезвычайное.

В связи с этим вспомним одно давнее упование Георгия Иванова, имя и стихи которого многие годы были почти неизвестны в России, а ныне он законно почитается крупнейшим *орфическим* русским лириком XX столетия: «Чистый родник народного творчества всегда был лучшим достоянием русской поэзии. Кажется, это единственная область в истории литературы, стоящая выше пристрастных вкусов и не нуждающаяся в переоценках. Но черпать непосредственно из этого родника удавалось лишь немногим — или великим, или особенно близким к первоисточнику поэтам». И еще из Иванова: «...стихи, перестав быть песней по форме, сохраняют всю глубину и чистоту народной песни». Все это имеет прямое отношение к Рубцову. И не случайно он так любил под гитару или гармошку петь свои стихи. Память об этом сохранили и современники, и несовершенная записывающая аппаратура. А в сколько названий его сочинений входит слово «песня»: «Осенняя песня», «Прощальная песня», «Зимняя песня» и просто «Песня»!

Позволю себе целиком привести здесь стихотворение «Осенняя песня». Отмечают, что появилось оно как отклик на знаменитое стихотворение Поля Верлена. В этой веселой вещи, горькой и бражнической, столько пристальности и вместе с тем преодоления окаянных оков бытия.

Потонула во тьме
Отдаленная пристань.
По канаве помчался —
Эх! — осенний поток!
По дороге неслись
Сумасшедшие листья,
И порой раздавался
Милицейский свисток.

Я в ту ночь позабыл
Все хорошие вести,
Все призывы и звоны
Из Кремлевских ворот.
Я в ту ночь полюбил
Все тюремные песни,
Все запретные мысли,

Весь гонимый народ.

Ну так что же? Пускай
Рассыпаются листья!
Пусть на город нагрянет
Затаившийся снег!
На тревожной земле
В этом городе мгlistом
Я по-прежнему добрый,
Неплохой человек.

А последние листья
Вдоль по улице гулкой
Все неслись и неслись,
Выбиваясь из сил.
На меня надвигалась
Темнота закоулков,
И архангельский дождик
На меня моросил...

Вот о таких отчаянно-спасительных стихах писал незадолго до смерти Осип Мандельштам: «Народу нужен стих таинственно-родной, Чтоб от него он вечно просыпался...»

Выдающийся мыслитель Вадим Кожинов писал: «...особенно удивителен даже не сам по себе стремительный рост славы поэта, а тот факт, что росла она как бы совершенно стихийно, по сути дела, без участия средств массовой информации, словно движимая не зависящей от людей природной силой». Очень верное и точное замечание. Ныне известность и слава Рубцова помимо невидимой власти над сердцами имеет, так сказать, материально-предметное воплощение. Именем Рубцова названа планета, улицы в Вологде и Санкт-Петербурге, открыты музеи в селе Никольском и Москве, памятники в городах Вологде, Тотьме, Череповце, Емецке. На домах, где жил поэт, установлены памятные доски. О количестве изданий его стихов говорить не приходится. Но следует сказать, что мемориальная эффектность и монументальность не могут скрыть некой улыбки, что-то от его поздней надежды:

Мое слово верное
 прозвенит!
Буду я, наверное,
 знаменит!
Мне поставят памятник
 на селе!
Буду я и каменный
 навеселе!..

Если речь идет о поэте Божией милостью, – а Рубцов именно такой поэт, – то большинство определений, характеристик в общем-то не очень существенны. Ибо когда мы имеем дело с совершенством художественным, да и не только художественным, а с чем-то идеаль-